

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 24.2.398.06,
СОЗДАННОГО НА БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АВТОНОМНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПО ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 05.10.2026 г. № 28

О присуждении Кравченко Михаилу Александровичу, гражданину Российской Федерации, ученой степени доктора филологических наук.

Диссертация «Интегральная неоструктуралистская лингвосемиотическая модель обыденного метаязыка» по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика принята к защите 29.06.2026, протокол № 19, диссертационным советом 24.2.398.06, созданным на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 355017, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, совет утвержден приказом Минобрнауки России № 405/нк от 26 апреля 2022 г.

Соискатель Кравченко Михаил Александрович, 1978 года рождения, в 2000 г. с отличием окончил Таганрогский государственный педагогический институт по специальности «иностранные языки» (с присуждением квалификации «учитель французского и английского языков»). В 2002 г. Кравченко М.А. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Языковая модель превращения в текстах русских народных сказок» по специальности 10.02.01 – Русский язык (филологические науки) в диссертационном совете 212.258.01 при ГОУ ВПО «Таганрогский государственный педагогический институт» (решение от 27.12.2002, протокол № 5). Диплом кандидата наук выдан 20 июня 2003 г. (приказ № 16к/279), КТ № 099165. В 2011 г. соискателю присвоено

ученое звание доцента по кафедре иностранных языков (приказ № 1017/356-д от 20 апреля 2011 г., диплом серии ДЦ № 038460).

В период подготовки диссертации Кравченко Михаил Александрович работал и в настоящее время работает в должности первого проректора ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», а также доцента кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», Федеральное агентство железнодорожного транспорта. В 2025-2026 гг. Кравченко Михаил Александрович являлся докторантом по научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация выполнена в департаменте лингвистики ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Научный консультант – Бредихин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента лингвистики ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Официальные оппоненты:

Алимурадов Олег Алимурадович, доктор филологических наук, доцент, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала университета, профессор кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»;

Золян Сурен Тигранович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»;

Устинова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,

– дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», г. Москва, – в своем положительном отзыве, подготовленном Карасиком Владимиром Ильичом, доктором филологических наук, профессором, деканом филологического факультета, профессором кафедры общего и русского языкознания, подписанном Катышевым Павлом Алексеевичем, доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой общего и русского языкознания, утвержденном Гусевым Никитой Владимировичем, кандидатом филологических наук, доцентом, ректором ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», указала, что диссертация М.А. Кравченко представляет собой серьезный научный труд, посвященный актуальной проблеме лингвосемиотики, характеризуется несомненной научной новизной, является теоретически значимой и практически ценной. В отзыве ведущей организации подчёркивается, что основным достоинством выполненной работы является ее фундаментальный теоретический характер. Это исследование открывает новое направление в изучении языка – лингвосемиотическое моделирование метазнаков, обосновывающее правомерность неоструктуралистского моделирования языка посредством конвергенции в единой непротиворечивой концепции структурно-центрического и антропоцентрического понимания языка, систематизации различных подходов к пониманию метаязыка. Соискателю удалось построить оригинальную модель изучения обыденного метаязыка, охарактеризовать сферу его функционирования, выделить и описать его единицы.

Диссертационное исследование соответствует критериям и отвечает требованиям п. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор, Кравченко Михаил Александрович, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Соискатель имеет 102 опубликованные работы, в том числе по теме диссертации 61 работу (общим объемом 58,75 п.л.), из них две авторские

монографии, одна коллективная монография, 5 статей, включенных в международные базы цитирования Scopus и Web of Science, 23 статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Наиболее значимые научные работы по теме диссертации, содержащие ее ключевые результаты:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Кравченко, М.А. Язык кроссвордов: направления и перспективы исследования / М.А. Кравченко // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – № 4. – С. 175–180. (0,6 п.л.)
2. Кравченко, М.А. Взаимодействие структур значения и смысла как механизм создания явлений языкового абсурда (на примере произведений В. Нарбиковой) / М.А. Кравченко, О.В. Кравченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44). – Ч. 2. – С. 112–114. (0,3/0,15 п.л.)
3. Кравченко, М.А. О соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» / М.А. Кравченко, О.В. Кравченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9 (51). – Ч.1. – С. 105–108. (0,5/0,25 п.л.)
4. Кравченко, М.А. Кроссворд как продукт метаязыковой деятельности носителей языка / М.А. Кравченко // Гуманитарные науки и образование. – 2022. – Т. 13, № 3 (51). – С. 139–145. (1,0 п.л.)
5. Кравченко, М.А. О метаязыковом статусе парентетических конструкций в художественных и публицистических произведениях Е. Водолазкина / М.А. Кравченко // Современный ученый. – 2022. – № 3. – С. 41–49. (1,1 п.л.)
6. Кравченко, М.А. Языковые мифологемы в зеркале топонимики Ростовской области / М.А. Кравченко, О.В. Кравченко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 1-2. – С. 138–143. (1,0/0,5 п.л.)
7. Кравченко, М.А. *Если угодно*: филологический этюд к портрету

метаоператора (на материале национального корпуса русского языка) / М.А. Кравченко // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2023. – Вып. 9, № 4. – С. 57–67. (1,2 п.л.)

8. Кравченко, М.А. «И долго мучился над словом, которое не хотело приходить»: о наивной ономазиологии в художественном тексте / М.А. Кравченко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – № 1. – С. 42–52. (1,2 п.л.)

9. Кравченко, М.А. Лингвистическая терминология глазами наивного лингвиста (на материале языка кроссвордов) / М.А. Кравченко, О.В. Кравченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, Вып. 7. – С. 2222–2228. (0,8/0,4 п.л.)

10. Кравченко, М.А. Метакорректоры *точнее, вернее, скорее*: в поисках слова или денотата? / М.А. Кравченко // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 97, № 2. – С. 62–69. (1,0 п.л.)

11. Кравченко, М. А. Ономастические рефлексивы в пространстве художественного текста (на материале произведений Е. Водолазкина) / М.А. Кравченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 1. – С. 147–154. (1,0 п.л.)

12. Кравченко, М.А. Отражение метаязыковой рефлексии в современной рекламе, или когда метатекст важнее текста / М.А. Кравченко // Litera. – 2023. – № 4. – С. 118–130. (1,5 п.л.)

13. Кравченко, М.А. Рефлексивы с семантикой оценки в пространстве художественного текста / М.А. Кравченко // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 1 (32). – С. 103–111. (1,2 п.л.)

14. Кравченко, М.А. Теория обыденной лингвистики: систематический обзор современного состояния исследовательского направления / М.А. Кравченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 773–779. (0,8 п.л.)

15. Кравченко, М.А. Конструктивный vs деструктивный метатекст в произведениях современной русской прозы / М.А. Кравченко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 34–41. (0,9 п.л.)

16. Кравченко, М.А. Метаязык – метатекст – метадискурс: от термина к исследовательскому ландшафту / М.А. Кравченко // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 70–82. (1,2 п.л.)

17. Кравченко, М.А. Понятие метаязыка: от лингвистического наследия Р. Якобсона к современным научным практикам / М.А. Кравченко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 88–100. (1,3 п.л.)

18. Кравченко, М.А. Свойства естественного неспециализированного метаязыка / М.А. Кравченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2024. – № 3 (82). – С. 88–98. (1,2 п.л.)

19. Кравченко, М.А. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов / М.А. Кравченко // СибСкрипт. – 2025. – Т. 27, № 1. – С. 85–96. (1,4 п.л.)

20. Кравченко, М.А. О смыслах *смысла* по данным обыденного метаязыка / М.А. Кравченко // Когнитивные исследования языка. – 2025. – Вып. 1 (62). – С. 301–305. (0,4 п.л.)

21. Кравченко, М.А. Трактовка метатекста как модусной категории: аргументы *pro et contra* / М.А. Кравченко // Верхневолжский филологический вестник. 2025. – № 2 (41). – С. 153–161. (1,0 п.л.)

22. Кравченко, М.А. Обыденный метаязык как феномен культуры (на материале рефлексивов с семантикой оценки) / С.Н. Бредихин, М.А. Кравченко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2026. – № 1 – С. 18–29. (1,2/0,6 п.л.)

23. Кравченко, М.А. Антиномии обыденного метаязыка / С.Н. Бредихин, М.А. Кравченко // Вестник МГЛУ. Серия Гуманитарные науки. – 2026. – № 3. – С. 76–85. (1,0/0,5 п.л.)

*Публикации в изданиях, входящих в международные базы цитирования
(Web of Science / Scopus):*

24. Кравченко, М.А. Абсурд как метаязыковой код (на материале художественных текстов абсурдистской эстетики) / М.А. Кравченко, О.В. Кравченко // Критика и семиотика. – 2022. – № 1. – С. 400–421. (1,4/0,7 п.л.)

25. Кравченко, М.А. Дистрибутивные интерпретанты в метаязыке кроссворда / М.А. Кравченко // Слово.ру: балтийский акцент. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 83–92. (0,6 п.л.)

26. Кравченко, М. А. Метаязык в зеркале его функций / М.А. Кравченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 172–184. (1,2 п.л.)

27. Кравченко, М.А. Семасиологический и ономасиологический факторы порождения метаязыковых комментариев: к определению оснований для построения семантической типологии рефлексивов / М.А. Кравченко // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 226–239. (0,9 п.л.)

28. Кравченко, М.А. Предпосылки становления неоструктурализма как интегральной лингвистической парадигмы / М.А. Кравченко // Слово.ру: балтийский акцент. – 2025. – Т. 16, № 1. – С. 6–23. (1,3 п.л.)

Монографии:

29. Кравченко, М.А. Явления языкового абсурда: металингвистический, когнитивно-дискурсивный и семиотический аспекты (на материале русскоязычных и франкоязычных художественных текстов) / И.В. Голубева, М.А. Кравченко, О.В. Кравченко. – Ростов-на-Дону: РГУПС, 2010. – 182 с. (10,0 /3,0 п.л.)

30. Кравченко, М.А. Прологомены к интегральному анализу метаязыка (неоструктуралистская парадигма) / М.А. Кравченко. – Ставрополь: Параграф, 2025. – 184 с. (9,0 п.л.)

31. Кравченко, М.А. Обыденный метаязык как интерпретирующая система: семантика, синтактика и прагматика / М.А. Кравченко. – Ставрополь: Параграф, 2026. – 236 с. (12,0 п.л.)

Автором также опубликовано 30 научных работ в иных изданиях и получено свидетельство о государственной регистрации базы данных «Исследовательский корпус текстов репрезентации лингвосемиотики обыденного метаязыка: семантика, синтактика и прагматика» (RU 2026620743, 18.02.2026).

В диссертации отсутствуют недостоверные сведения об опубликованных соискателем ученой степени работах.

О диссертации и автореферате поступили положительные отзывы от

доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» И.Т. Вепревой; доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры английского языка и лингводидактики ГАОУ ВО «Московский государственный педагогический университет» И.М. Петровой; доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» В.В. Катерминой; доктора филологических наук, профессора, директора института подготовки кадров высшей квалификации, заведующей кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» Т.А. Ширяевой; доктора филологических наук, доцента, доцента кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» Е.Э. Улановой; доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры «Производственный менеджмент» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» Д.В. Козловского; доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры «Мировые языки и культуры» ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» С.В. Первухиной; доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры английского языка Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» А.Е. Павленко; доктора филологических наук, профессора, доцента кафедры лингвистического образования ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» Е.В. Краснощёкова; доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» И.В. Ерофеевой; доктора филологических наук, доцента, доцента кафедры теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» И.А. Меркуловой; доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры грамматики и истории немецкого языка, заведующего лабораторией фундаментальных и прикладных

проблем виртуального образования ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» А.И. Горожанова; доктора филологических наук, профессора, исполняющего обязанности заведующего кафедрой психологии языка и преподавания иностранных языков ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» В.П. Ходуса; доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры зарубежной филологии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» С.В. Шустовой; доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой «Иностранные языки и межкультурные коммуникации» ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения» С.В. Балакина; доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета А.А. Барковича; доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» Н.С. Барбиной.

В представленных отзывах об автореферате диссертации М.А. Кравченко акцентируется высокая теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, связанная с тем, что разработанный понятийный аппарат и интегративная методология исследования открывают новые перспективы для изучения механизмов метаязыковой рефлексии и самоинтерпретации естественного языка. Отмечается, что научная новизна исследования носит фундаментальный характер и выражается в создании целостной лингвосемиотической модели, раскрывающей трехмерное устройство обыденного метаязыка. К эвристически значимым результатам диссертации относится предвосхищение развития неоструктуралистской парадигмы. В отзывах делается заключение о том, что в диссертационном исследовании, обобщенном в автореферате, содержится подробное системное описание конститутивных признаков и функций обыденного метаязыка. Во всех отзывах отмечается, что диссертационное исследование М.А. Кравченко «Интегральная неоструктуралистская лингвосемиотическая модель обыденного метаязыка» соответствует критериям Положения о присуждении ученых степеней, а

соискатель заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

В отзыве доктора филологических наук, профессора И.Т. Вепревой содержатся три вопроса уточняющего характера: «1. Вами предложена “трехмерная” модель обыденного метаязыка, включающая измерения семантики, синтактики и прагматики. Насколько, на Ваш взгляд, данная модель универсальна для различных типов дискурса? Может ли она быть экстраполирована на изучение, например, научного или делового дискурса, или же применительно к ним потребуются модификация предложенной таксономии?

2. В работе выделяются интерпретативы “ближнего” и “дальнего” значения. Не могли бы Вы подробнее пояснить критерии разграничения этих типов и степень их дискурсивной обусловленности? Всегда ли возможно провести четкую границу между собственно языковой и энциклопедической информацией в рамках метаязыкового комментария?

3. Вы вводите понятие “метацентрические дискурсы” для описания практик с высокой плотностью метаязыковых конструкций. Какие типы дискурса, помимо художественного и рекламного, могли бы быть отнесены к данному классу, и каковы, на Ваш взгляд, социально-культурные причины их метацентричности в современную эпоху?».

В отзыве доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры английского языка и лингводидактики ГАОУ ВО «Московский государственный педагогический университет» И.М. Петровой содержатся следующие вопросы уточняющего характера: «1. Описывая лексический метатекст, автор разделяет актуализационные конструкции на интродуктивный (антецедент) и рекуррентный (постцедент) типы. В связи с этим хотелось бы уточнить: фиксируются ли в исследовательском материале случаи дистантного (разорванного) расположения слова-актуализатора и слова-автонима в рамках широкого дискурсивного контекста, и влияет ли эта дистанция на функциональный потенциал рефлексива?

2. В прагматическом секторе модели автор рассматривает интенционально

генерируемые лудические конструкции (суггестивы) в качестве особых единиц обыденного метаязыка, референтным элементам кода, а не внеязыковой действительности. Каким образом соискатель предлагает верифицировать границы между интенциональной языковой игрой (как продуктом осознанной метаязыковой деятельности) и непреднамеренной речевой ошибкой (малапропизмом, ослышкой) рядового носителя языка, если на поверхностном уровне дискурса их структурно-семиотическое воплощение может быть абсолютно идентичным?».

В отзыве доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» В.В. Катерминой содержатся вопросы дискуссионного характера: «1. Введенная Вами пространственная модель восприятия текста через метатекстовые конструкции (проспекция, ретроспекция, алиоспекция) описывает перемещения “курсора сознания”. Насколько эта модель универсальна для разных типов дискурса, и как грамматикализированный метатекст, маркирующий квазитождество, участвует в создании иллюзии когерентности в условиях постмодернистского или фрагментированного дискурса?

2. Выделяя “суггестивы” (лудические конструкции) в качестве особых единиц обыденного метаязыка, Вы фактически легитимизируете языковую игру как базовый механизм метапрагматики, а не как маргинальное отклонение. В условиях современной цифровой коммуникации, где языковая игра и деконструкция кода становятся нормой, как трансформируется антиномия “обыденного” и “профессионального” метаязыка, и не берет ли сегодня обыденный метаязык на себя функцию главного фильтра при формировании наивной картины мира?».

В отзыве доктора филологических наук, доцента, доцента кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» Е.Э. Улановой содержится вопрос об уточнении определения понятия «конструктивного каркаса текста».

В отзыве доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры «Производственный менеджмент» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный

технический университет имени Гагарина Ю.А.» Д.В. Козловского содержатся следующие вопросы: «1. В автореферате неоструктурализм определяется как интегральная / универсальная лингвистическая парадигма, методологическая платформа, подход и форма реализации интегральной парадигмы; на с. 15 встречается также формулировка “принципы неоструктурализма как универсальной лингвистической категории”. Как соотносятся используемые в работе обозначения неоструктурализма и какие критерии позволяют квалифицировать его именно как самостоятельную парадигму, а не как интегративную исследовательскую методологию?

2. Одним из основных критериев разграничения языка и обыденного метаязыка в работе выступает противопоставление внешней и внутренней референции. Одновременно автор специально рассматривает собственно синкретичные и псевдосинкретичные конструкции, а в итоговой модели отмечает различную глубину признака “мета” у единиц семантики, синтактики и прагматики. Каким образом в пограничных случаях устанавливается достаточность признака “мета” для отнесения конструкции к обыденному метаязыку? Предполагает ли предложенная модель строгое распределение единиц между семантикой, синтактикой и прагматикой, или допускает их пересечение по совокупности функциональных и референциальных признаков?

3. Авторская база данных сформирована преимущественно на материале произведений писателей, идиостиль которых характеризуется повышенной рефлексивностью, тогда как работа направлена на выявление системных свойств обыденного метаязыка, не зависящих от конкретной жанрово-дискурсивной специфики. Материалы НКРЯ существенно расширяют эмпирическую базу, однако хотелось бы уточнить, каким образом при построении типологии учитывались жанровая специфика, особенности идиостиля и высокая плотность метаязыковых контекстов в отобранных художественных текстах и какие основания позволяют экстраполировать полученные результаты на обыденный метаязык в целом?».

В отзыве доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры «Мировые языки и культуры» ФГБОУ ВО «Донской государственный

технический университет» С.В. Первухиной содержатся вопросы уточняющего характера: «1. При изучении обыденного метаязыка как системы и как деятельности обосновано ли введение термина “метаречь” вслед за дихотомией де Соссюра? 2. Усматривается ли адаптационный потенциал в трансформационных моделях обыденного метаязыка?».

В отзыве доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры английского языка Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» А.Е. Павленко содержатся следующие вопросы: «1. В работе Вами широко используются термины “неоструктурализм” и “неоструктуралистский”, посредством которых обозначается интегральная научная парадигма, служащая методологической основой для изучения явлений, лежащих на пересечении языка и речи. Как, на Ваш взгляд, данное понятие соотносится с другими парадигмами в науке о языке, сформировавшимися во второй половине XX века, в том числе с той, которую принято именовать термином “постструктурализм”, имеющим несколько вариантов, характерных для разных национальных традиций?

2. Вы справедливо отмечаете тот факт, что интерес к феномену неспециализированного метаязыка со стороны социолингвистики и лингвокультурологии привел к формированию отдельного исследовательского направления, обозначаемого как “обыденная лингвистика”. Метаязыковые высказывания рядовых носителей языка рассматриваются сторонниками этого направления, в том числе, как материал для реконструкции языковой картины мира. В этой связи как, по Вашему мнению, механизмы лингвокреативности, реализующиеся в обыденном метаязыке в том числе в форме языковой игры, соотносятся с явлением социальной вариативности и отражаются в таком параметре, как социолингвистическая переменная?».

В отзыве доктора филологических наук, профессора, доцента кафедры лингвистического образования ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» Е.В. Краснощёкова содержатся следующие вопросы: «1. В метаязыковом сознании существуют критерии разграничения “обыденного” и “профессионального”. Вы справедливо отмечаете, что эти формы не являются

замкнутыми и могут переплетаться, а лексема “смысл” в нелингвистических текстах демонстрирует такое переплетение. Однако возникает вопрос: каковы, на Ваш взгляд, операциональные критерии (помимо целевых установок и параметров дискурса), позволяющие исследователю в каждом конкретном случае уверенно квалифицировать метаязыковую рефлексия как “обыденную”, а не “профессиональную”? Не рискуем ли мы при таком подходе растворить границу между этими понятиями, что может затруднить эмпирическую верификацию?

2. В работе вводится понятие метацентрических дискурсов (энигматический, переводческий, академический), в которых метаязыковые конструкции играют ведущую роль. Насколько, по Вашему мнению, это понятие является универсальным? Можно ли говорить о метацентричности как о градуальном признаке (например, рекламный дискурс может быть более или менее метацентричным), или же это жесткая типологическая характеристика? И не приведет ли расширение круга метацентрических дискурсов к размыванию самого понятия “метаязык” как специального объекта исследования?

3. Разработанная Вами интегральная модель убедительно продемонстрирована на русскоязычном материале. Однако в заключении Вы сами указываете на перспективу сопоставительных исследований, которые позволили бы выявить универсальное и лингвоспецифичное в обыденном метаязыке. В связи с этим возникает вопрос: какие гипотетические изменения или модификации в предложенной модели Вы прогнозируете при её апробации на материале языков с иным грамматическим строем (например, аналитических или полисинтетических)? Повлияет ли тип языка на структуру семиотических измерений метаязыка или, по Вашему мнению, модель носит универсальный характер?».

В отзыве доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» И.В. Ерофеевой содержатся следующие вопросы уточняющего характера: «1. В поле зрения автора попали тексты художественного, разговорного, публицистического и других стилистических разновидностей русского языка. В связи с этим возникает вопрос. Существуют ли характерные признаки или черты обыденного метаязыка

в зависимости от стилистической направленности изученных контекстов?

2. На какие аспекты изучения языковой системы и речевой деятельности может экстраполироваться методология неоструктурализма, и какими автор видит её перспективы на современном этапе развития лингвистической мысли?».

В отзыве доктора филологических наук, доцента, доцента кафедры теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» И.А. Меркуловой содержатся следующие вопросы: «1. Каким образом осуществлялось извлечение необходимого материала из НКРЯ? Какую количественную информацию помог обнаружить корпус? 2. Что такое лексико-семантический разряд лексики? На каком основании он может считаться “лингвистическим”, “семиотическим”, “логико-коммуникативным”, “лингвориторическим” и “текстуальным” и др.?».

В отзыве доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры грамматики и истории немецкого языка ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» А.И. Горожанова содержатся следующие вопросы: «1. Является ли обращение к неоструктурализму как интегральной лингвистической парадигме реакцией на методологические трансформации в современном языкознании? 2. В какой степени применима методология неоструктурализма для анализа иных лингвистических объектов? Можно ли рассматривать неоструктуралистский подход в качестве универсальной лингвистической платформы?».

В отзыве доктора филологических наук, профессора, исполняющего обязанности заведующего кафедрой психологии языка и преподавания иностранных языков ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» В.П. Ходуса присутствует вопрос об уточнении содержания термина «психический субстрат» в пространстве исследования и об обоснованности субстративной позиции метаязыкового сознания относительно метаязыковой деятельности.

В отзыве доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры зарубежной филологии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» С.В. Шустовой содержатся следующие вопросы:

«1. Чем обусловлена высокая плотность метаязыковых контекстов в текстах произведений писателей, чьи произведения послужили материалом для анализа? 2. Считаете ли Вы термин “рефлексив”, предлагаемый в работе для обозначения базовой единицы обыденного метаязыка, синонимичным “рефлексиву” (для полноценного описания устного дискурса) в коллоквиалистике?».

В отзыве доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой «Иностранные языки и межкультурные коммуникации» ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения» С.В. Балакина содержится вопрос уточняющего характера и замечание: «1. На стр. 32 автор диссертации указывает, что в качестве релевантного признака, положенного в основание типологии интерпретативов с дескриптивной семантикой, выступает объект метаязыковой рефлексии. Верхний ярус типологии образуют группы интерпретативов, описывающих 1) форму знаков и 2) содержание знаков. Следующий ярус типологии формируется выделением интерпретативов внешней формы (характеризуют материальную оболочку знака в ее фонетическом или графическом исполнении). Отсюда вопрос, нужно ли учитывать такой интерпретатив, как графическое исполнение? И является ли графическое исполнение интерпретативом?

2. На наш взгляд, некоторые аналитические пассажи требуют уточнения. Например, на стр. 35 автореферата автор пишет: “Во-первых, инвестиативы с помощью комплекса метаоператоров выражают положительную оценку, что свидетельствует об успешном выборе номинации <...>”. На наш взгляд, успешность номинации характеризуется положительной реакцией адресата на данную номинацию, соответственно, как автор переделает успешность? На стр. 35 пример *И снова с вами не соглашусь, – сказала я. – Это предельно мужская картина мироздания. Я бы даже сказала, шовинистическая* определен автором как инвестиатив-гезитация. На наш взгляд, это вынесение уточняющей информации для ее логического выделения при помощи парцелляции».

В отзыве доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета А.А. Барковича содержатся следующие

вопросы: «1. В качестве базового признака метаязыка выдвигается внутренняя референция, противопоставленная внешней референции языка. Однако в ряде представленных примеров граница между высказываниями “о языке” и высказываниями “о мире” может быть проницаемой. Например, оценка слова, его употребления или стилистической маркированности одновременно может выступать как характеристика языкового знака и как выражение отношения говорящего к обозначаемому объекту. Представляется важным уточнить, как диагностические критерии позволяют последовательно отличать собственно метаязыковую рефлексивность от модальной, оценочной или экспрессивной характеристики предметного содержания?»

2. Продуктивным является введение термина “рефлексив” как родового обозначения единицы обыденного метаязыка. Вместе с тем целесообразно уточнить его соотношение с уже используемыми в лингвистической литературе понятиями “метаязыковое высказывание”, “метаязыковой комментарий”, “метатекст”, “метаоператор”, “дискурсивный маркер” и “метапрагматический маркер”. Не вполне очевидно, являются ли эти единицы для автора синонимичными, родо-видовыми или функционально пересекающимися категориями».

Выбор официальных оппонентов О.А. Алимурдова, С.Т. Золяна, Т.В. Устиновой обосновывается их высокой профессиональной компетенцией, способностью определить научную, теоретическую и практическую ценность результатов диссертационного исследования, сферой научных интересов ученых и наличием у них публикаций по методологическим проблемам языкознания, лингвосомиотики, теории текста и дискурса, теории референции, по проблематике метаязыковой рефлексии и метаязыка. Выбор ведущей организации, ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», определяется научным авторитетом и публикациями профессорско-преподавательского состава института по проблемам лингвосомиотики, когнитивно-дискурсивной лингвистики, теории обыденной лингвистики и метаязыковой деятельности носителей языка.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных

соискателем исследований:

разработана целостная непротиворечивая лингвосемиотическая концепция обыденного метаязыка, описывающая данный феномен с позиций неоструктурализма, объединившего принципы изучения языка и речи, дискурсивных медиативных корреляций текстовой и рефлексивной реальности;

построена и эксплицирована модель обыденного метаязыка как интерпретирующей системы языка-объекта, действующей в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики;

введены в научный оборот и **получили теоретическое обоснование** понятия семантики, синтактики и прагматики обыденного метаязыка,

установлено соотношение указанных понятий с семиотическими измерениями языка;

расширены и углублены представления о системе функций обыденного метаязыка, его конститутивных признаках и структурных единицах;

разработаны новые принципы типологизации конструкций обыденного метаязыка;

создана многоуровневая типология единиц семантики обыденного метаязыка, учитывающая формальные и содержательные критерии выделения таксономических групп;

обоснованы принципы стратификации синтактики обыденного метаязыка на лексическую и грамматическую области;

разработаны классификации единиц прагматики обыденного метаязыка, участвующих в реализации различных метапрагматических стратегий;

получено научное обоснование подхода к рассмотрению интенционально генерируемых лудических конструкций как продукта метаязыковой деятельности говорящего;

уточнено соотношение понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание», а также понятий «обыденное метаязыковое сознание» и «профессиональное метаязыковое сознание».

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем:

реализован комплексный подход к изучению феномена обыденного

метаязыка, обеспечивший полноту его рассмотрения в границах базовой антиномии «метаязык как система» vs «метаязык как деятельность»;

осуществлена глубокая методологическая рефлексия актуального состояния развития лингвистической науки, позволившая выдвинуть на первый план вопросы жизненного цикла и динамики лингвистических парадигм;

предложена и апробирована на конкретном языковом материале интегральная методологическая рамка исследования (неоструктурализм), объединившая основные принципы системоцентрического и антропоцентрического подходов к языку;

обосновано использование терминологического аппарата («рефлексив», «интерпретатив», «инвестигатив», «метатекст», «регулятив», «суггестив») для обозначения единиц метаязыка, относящихся к различным семиотическим измерениям, что создало условия для регулярного и упорядоченного употребления соответствующей терминологии в последующих исследованиях;

выявлены и описаны внутренние противоречия, свойственные обыденному метаязыку и обусловленные действием следующих антиномий: 1) антиномия «обыденного» и «профессионального», проявляющаяся в гибридизации направленности и содержания метаязыковой рефлексии; 2) антиномия «модуса» и «диктума», закладывающая возможность рассмотрения метаязыка как в качестве модусной, так и в качестве диктумной категории; 3) антиномия «знака» и «денотата», формирующая потенциальную синкретичность конструкций в отношении их референциальной отнесенности, затрудняя тем самым разграничение «высказываний о мире» и «высказываний о языке»;

обоснована необходимость учета критерия направленности метаязыковой рефлексии при делимитации семантики обыденного метаязыка и отнесении её к области семасиологии и ономасиологии;

доказано наличие у рефлексивов как формальных, так и качественных градуальных характеристик;

установлена связь типологии рефлексивов ономасиологического типа с особенностями процесса нетривиального выбора знака;

выявлена ориентация лексического метатекста на эксплицитное выражение

отношений между знаками и передачу идеи кореферентности посредством лексикализации предметных и реляционных особенностей языкового кода, а также номинализации коммуникативных намерений говорящих;

определена и описана имплицитная природа грамматического метатекста, манифестируемая через инструменты служебных слов;

установлены метапрагматические стратегии, характерные для области прагматики адресанта;

определен метаязыковой статус метапрагматической стратегии преобразования кода, реализуемой в пространстве между знаком и адресатом;

установлена природа компенсаторного, аттрактивного / дистрактивного, актуализационного и трансформационного механизмов внутренней референции, формирующих метаязыковую природу конструкций языковой игры.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

разработаны принципы интегрального анализа обыденного метаязыка, которые могут быть экстраполированы на другие лингвистические объекты, тем самым расширяя практику межпарадигмального синтеза в науке о языке;

обоснована применимость полученных результатов в междисциплинарных исследованиях, охватывающих такие области, как лингвосемиотика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, дискурсология и др.;

существенно **расширены и дополнены** знания в области обыденного метаязыка, что предполагает их дальнейшую интеграцию в образовательную практику, в частности в курсы по общему языкознанию, лингвосемиотике, теории метаязыка и метаязыковой деятельности, семантике и прагматике языковых единиц, стилистике, лингвистическому анализу художественного текста, теории текста и дискурса, теории модусно-диктумного членения высказывания, теории языковой игры и др.;

выявлены и описаны формальные маркеры, позволяющие решать проблему референциальной синкретичности метаязыковых конструкций, разграничивая «высказывания о мире» и «высказывания о языке»;

создана методологическая база для включения в лексикографическую практику данных о функционально-семантических и прагматических характеристиках метаоператоров;

сформирован теоретико-методологический фундамент и аналитический инструментарий для исследования особенностей функционирования конструкций обыденного метаязыка в пространстве специальных дискурсивных практик, в том числе в коммуникативной среде метацентрических дискурсов;

заложены основы для разработки автоматизированных инструментов поиска и выборки высказываний с внутренней референцией;

определены перспективы создания специального метаязыкового корпуса языка, объем которого составят конструкции, используемые в функции описания и интерпретации языка-объекта.

Оценка достоверности результатов исследования выявила следующее:

концепция, разработанная в диссертации, опирается на фундаментальные лингвофилософские и эпистемологические основания, предусматривающие исследование языковых единиц и процессов как семиотических явлений в совокупности их системных и деятельностных характеристик;

глубина теоретико-методологической базы исследования обеспечена научными достижениями, принципами и положениями, выработанными в следующих исследовательских областях и направлениях: общая эпистемология и теория научных парадигм; частная эпистемология лингвистики и история лингвистических учений; теория универсальной лингвистической парадигмы; формальная логика, теория референции, общая семиотика и лингвистическая семиотика; психология сознания и психолингвистическая теория метаязыковой рефлексии; теория текста и теория дискурса;

избранная методология **позволила** в полном объеме реализовать междисциплинарную направленность исследования, объединившего аналитические возможности семиотики, теории референции, когнитивной и традиционной лингвистики;

в логике научного анализа **принят во внимание** принцип системности знания как совокупности структурированных единиц, находящихся в

отношениях структурной иерархии;

в исследовании **реализован** эвристический потенциал интегральной лингвистической парадигмы (неоструктурализма), обеспечивающей как возврат продуктивного взгляда на системно-структурное устройство языка, так и сохранение и развитие эффективных практик антропоцентризма, нацеленных на изучение языка как деятельности во всем многообразии её проявлений;

в ходе анализа **использован** репрезентативный корпус примеров (17 000 единиц), собранный как методом направленной выборки из произведений современных русских писателей, так и в результате привлечения материалов Национального корпуса русского языка, что обеспечило валидность и полноту эмпирической базы;

типологическое единство конкорданса **обеспечено** общностью онтологической природы анализируемых метаязыковых конструкций, являющихся отражением и воплощением результатов непрофессиональной метаязыковой рефлексии говорящего;

в методологическом аспекте реализовано адекватное сочетание индуктивно-эмпирического и дедуктивно-гипотетического векторов исследования;

реализован комплексный многоуровневый подход к обработке материала, включающий как количественные, так и качественные методы анализа, что обеспечило точность полученных выводов.

Личный вклад соискателя заключается в его непосредственном участии во всех этапах проведения исследования: от формирования предметно-целевых установок и концептуального ядра работы до формулирования выводов и их графического представления. Соискатель проявил способность самостоятельно решать сложные теоретические и практические задачи, выявлять новые перспективные аспекты в рамках избранной проблематики исследования и проводить их осмысление высоком методологическом уровне. М.А. Кравченко продемонстрировал уверенное владение широким спектром методов, методик и приемов лингвистического анализа, которые позволили решить задачи исследования и верифицировать гипотезу о функционировании обыденного

метаязыка в пространстве «трехмерной» лингвосемиотической модели, образованной измерениями семантики, синтактики и прагматики.

Соискателя отличает скрупулезная работа с теоретическими источниками (более 700 источников в списке литературы), позволившая вписать исследование в широкий научный контекст. Масштабная работа проделана соискателем в ходе сбора эмпирического материала (отобрано, проанализировано, систематизировано и определено место в таксономической матрице 17 тысяч метаязыковых конструкций). Соискатель обеспечил апробацию результатов исследования на научных конференциях, подготовил к публикации научные статьи в рецензируемых изданиях из перечня ВАК и в изданиях, индексируемых в международных научных базах, и монографические исследования, отражающие основные положения и выводы диссертации.

В ходе защиты диссертации критических замечаний высказано не было, были озвучены следующие вопросы уточняющего и дискуссионного характера:

1. Почему в ходе отбора эмпирической базы данных Вы обратились именно к художественным текстам? Хотелось бы также понять, чем обусловлен выбор конкретных произведений тех или иных авторов, учитывались ли при этом жанровая специфика или художественные особенности текстов?

2. Поясните причины выбора термина «неоструктурализм» для обозначения интегральной лингвистической парадигмы, которая фактически выступает формой переосмысления и развития идей структурализма. Почему с этой целью Вами не используется термин «постструктурализм», общепризнанный в философии и семиотике?

3. В отечественной и зарубежной лингвистике сложилась устойчивая традиция видеть в метатексте модусную категорию (подобно таким категориям, как эвиденциальность и эпистемическая модальность). Судя по докладу, Ваше исследование не вписывается в рамки этой концепции. Вы не относите метатекст к числу модусных категорий? Почему?

4. Согласно результатам Вашего исследования, поле прагматики адресата занимает метапрагматическая стратегия преобразования кода. Тем самым к явлениям обыденного метаязыка Вы фактически причисляете

разнообразные конструкции языковой игры. Ввиду дискуссионности подобного взгляда на осмысление проблемы лингвокреативности не могли бы Вы пояснить Вашу позицию по данному вопросу? Одновременно хотелось бы уточнить, в чем заключается суть компенсаторного механизма внутренней референции конструкций языковой игры.

5. Вы указали, что рефлексивы семасиологического типа характеризуются статичностью, нелинейностью и открытостью структуры, а рефлексивы ономасиологического типа – динамичностью, линейностью и закрытостью структуры. Не могли бы Вы расшифровать указанные признаки рефлексивов?

6. В докладе Вы упомянули, что рефлексивы делятся на дескриптивные и оценочные. Ввиду бурного развития лингвоаксиологии хотелось бы узнать, какой вклад в эту область вносит Ваше исследование.

7. В свете полученных результатов каковы, на Ваш взгляд, дальнейшие перспективы изучения метаязыковой проблематики?

М.А. Кравченко дал развернутые и аргументированные ответы на все поставленные вопросы. В частности, он пояснил, что выбор в пользу художественных текстов при отборе эмпирического материала продиктован в институциональном смысле их «над»-дискурсивностью, которая заключается в смешении признаков и элементов различных типов дискурса. Соискатель привел веские аргументы в пользу оправданности использования термина неоструктурализм с этимологической, эпистемологической и лингвоисторической точек зрения. Диссертант показал, что многоаспектные проявления метаязыка не укладываются в объем понятия модусной категории. М.А. Кравченко пояснил, что основанием для причисления конструкций языковой игры к субстанциям обыденного метаязыка является характер референции не к внеязыковой действительности, а к элементам языкового кода и направленность компенсаторного механизма референции на восстановление модифицированной в результате языковой игры формы знака. Соискатель на примерах охарактеризовал признаки рефлексивов семасиологического и ономасиологического типов; определил вклад исследования в аксиологическую лингвистику, заключающийся в построении развернутой таксономии

метаоценок; озвучил перспективы исследований метаязыковой проблематики, связанные с привлечением к анализу сопоставительных данных, отражающих функционирование метаязыка в разноструктурных языках, с составлением корпусов метаязыковых высказываний, с лексикографированием метаязыковых средств и дискурсологическим изучением метаязыковых контекстов.

На заседании 05 октября 2026 г. диссертационный совет принял следующее решение: за решение актуальной и комплексной научной проблемы разработки интегративной лингвосемиотической концепции обыденного метаязыка в рамках неоструктуралистского подхода; описание метаязыка как интерпретирующей системы языка-объекта, действующей в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики; за создание типологии единиц обыденного метаязыка, учитывающей формальные и содержательные критерии выделения таксономических групп, присудить Кравченко Михаилу Александровичу ученую степень доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 14 человек, из них 5 докторов наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, участвовавших в заседании, из 16 человек, входящих в состав совета, проголосовали: «за» – 14, «против» – 0, «воздержались» – 0.

Заместитель председателя
диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Светлана Васильевна Серебрякова

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

Михаил Васильевич Каменский

«05» октября 2026 г.